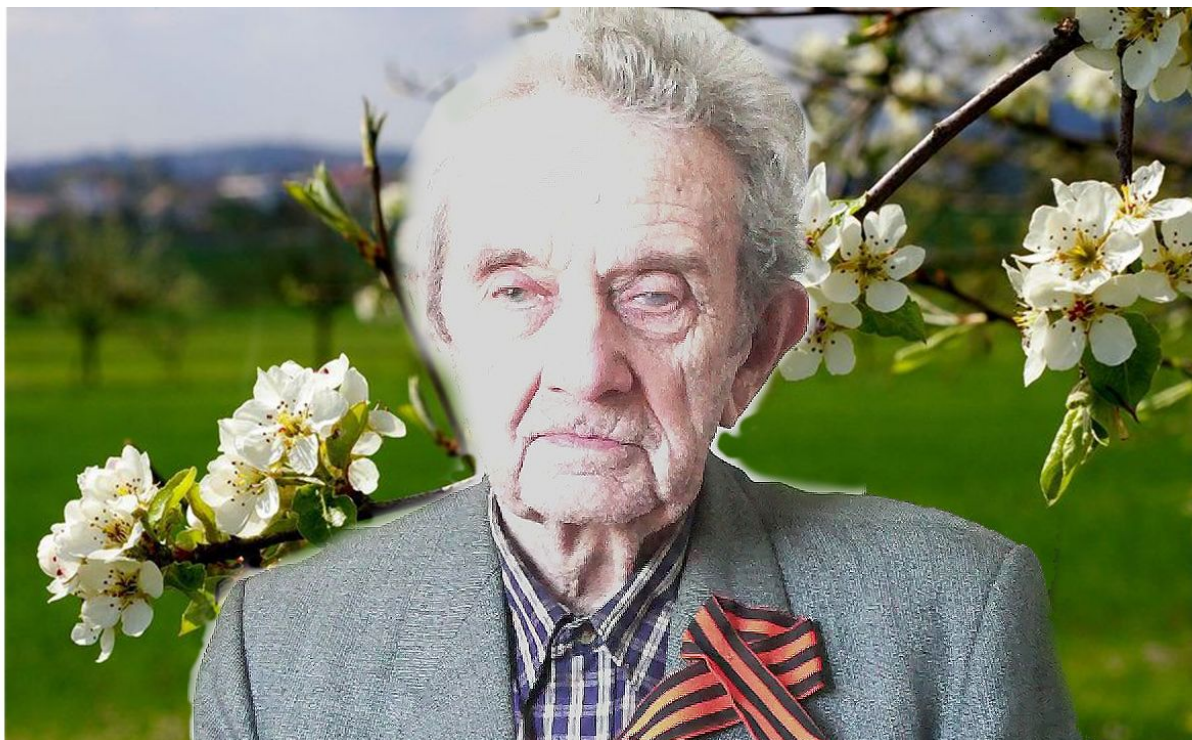

ВАХРУШЕВ ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ

Войны солдатской километры... О Вахрушеве Игоре Николаевиче

С теплотой мы вспоминаем о ветеранах Великой Отечественной войны, их подвиге и победе. Игорь Николаевич Вахрушев (1924 г. р.), член Лузской МО ВОС – один из них. За плечами убелённого сединами ветерана удивительная жизнь. Судите сами.

Когда началась война, семнадцатилетний комсомолец Игорь Вахрушев работал на местном лесозаводе. Молодые крепкие ребята с предприятия ринулись в военкомат: так велико было их желание попасть на фронт и громить немцев. Но пыл удалцов охладил: нельзя оголять участок, вы тоже работаете на победу. Желание сражаться исполнилось лишь в феврале 1942 года, когда юноша получил повестку на фронт. До призыва прошёл не одну комиссию, досконально изучил винтовку, тренировался в стрельбе, показывал хорошие результаты. Отправляясь на войну, даже подумать не мог, что вернётся в родной город через долгие пять лет.

В Горьком его отобрали в группу из 30 рослых и крепких новобранцев, которую отправили в село Раменское Московской области в 201-ю парашютную комсомольскую бригаду ВДВ им. Кирова. В небольшом лётном полку ребята в течение месяца занимались воздушно-десантной подготовкой: учились отражать нападение неприятеля, защищать себя, прыгать с парашютом и собирать его. Парашютный десант готовили для выброски в тыл немцев. Однако в боевые действия вступить не пришлось. Их обмундировали, посадили в теплушки и высадили в Гороховецких лагерях, где проходили военную

подготовку солдаты, формировались на фронт армейские части и подразделения. Как говорили тогда: кто в Гороховецких лагерях не бывал, тот войны не видел.

«Жили мы в огромной землянке с одной печуркой, спали на нарах в три этажа, – вспоминает фронтовик. – Здесь нас снова обучали воинскому мастерству. Гоняли до седьмого пота. После двух недель изнурительных учений 317-й запасной стрелковый полк погрузили в вагоны. На рассвете остановились в Тихвине, в 200 километрах от Ленинграда. Все высыпали на свежий воздух. Кругом лежал белый снег. Мы двинулись к берегу Ладожского озера в полном боевом снаряжении – больше 20 кг весом. Мне пришлось тащить ещё и ручной пулемёт с диском патронов порядка 14 кг, из которого я хорошо умел стрелять.

Получив приказ перейти по озеру на другой берег, в город Ленинград, чтобы его защищать, все испытали чувство небывалого душевного подъёма. Настроение было боевое, хотя были неважно вооружены – что можно сделать с одной винтовкой да пулемётом? Вытянувшись в цепочку, двинулись по ледовой дороге. От бомбёжек она местами была покрыта водой. Идти было тяжело, приходилось тянуть на себе ещё и машины. Чтобы колонну не разбомбили, над нами летали истребители, отгоняя фашистов. Переправившись на другой берег, разожгли несколько маленьких костров, чтобы немного обсушиться: сняли обувь, выжали портянки, но в основном сушили на себе. Подкрепившись выданными перед броском тремя сухарями и пакетиком пшеничного концентрата, двинулись в город, едва не падая от усталости.

Вид города просто потряс: заграждения на улицах, мешки с песком в домах в окнах первых этажей, измождённые лица людей, штабеля трупов, которые начали оттаивать под лучами весеннего солнца. И вдруг заиграл духовой оркестр. Вся наша усталость вмиг исчезла, как будто крылья выросли. И дальше мы пошли бодрым строевым маршем на глазах у ленинградцев. Пока все колонны не прошли, музыканты играли, поднимая наш дух. А дух ленинградцев даже блокада не сломила. Тысячи горожан простыми лопатами рыли противотанковые рвы под бомбёжками, а по радио фашисты вели пропаганду: «Рус, переходи к нам, вы голодные, а у нас всё есть».

Мы заняли оборону на Карельском перешейке. Бывало, месяца по три-четыре стояли на одном рубеже. Особенно тяжело было воевать зимой. От холода спасали полушубки и тулупы. Радовало, что на Ленинградском фронте быстрыми темпами началось перевооружение армии: появились автоматы, сначала тяжёлые, потом полегчали, винтовки с оптическим прицелом и глушителем. Эту снайперскую винтовку выдали и мне. Она проектировалась как оружие особо точного боя для снайперской работы в любых условиях.

Надо сказать, что снайпер – должность на войне опасная. Находясь под прицелом противника, каждый снайпер знал, что погибнуть легко: чуть ослабил свою бдительность, не пригнулся, веточку

ненароком пошевелил – всё, пуля тебя настигла. Нашей задачей было выследить и уничтожить фрицев или огневую точку противника. Надо отдать должное: немецкие снайперы были подготовлены хорошо. Мы же несли потери. Выходя на задания днём и ночью, я старался не терять присутствия духа и самообладания, ползком находил себе место на своей оборонной полосе, подгребал бугорок снега для удобства, думал и просчитывал каждую деталь поединка – поэтому и жив остался. У меня была репутация меткого снайпера, даже немцы по радио интересовались, что за снайпер у вас появился? Я держал их в страхе, на коленях перед собой. За меткость мне даже медаль «За боевые заслуги» вручили, а позднее, как особо отличившемуся, ещё и гвардейский значок.

При снятии блокады я был ранен. А дело было так. Город Выборг решено было брать штурмом. Противник здорово окопался. Разведка доложила, что немцы отошли, но это был обманный манёвр: они встретили нас мощным миномётным огнём. В наступление я пошёл со станковым пулемётом. Паренёк подавал мне ленты, а я поддерживал огнём штурмовые отряды. Чтобы прижать фрицев, пулемёт решили перетащить на более выгодное место. Тут-то нас и накрыло: мины, как град, летели.

В этом бою мы многих потеряли. Моему напарнику пуля прошила сердце, он только-только в пополнении пришёл. Немцы меня тоже засекли, и я остался один на один с их снайпером, который был на более выгодной позиции. С крупнокалиберным пулемётом он держал в руках всю полосу, вывел из строя мой пулемёт, разбив кожух и повредив ствол. Чуть пошевелишься, он стреляет на поражение. От разрывных пуль меня спасал стальной щит пулемёта. Хотел поменять место, но пуля, прошив шинель, поцарапала руку. Выждав, всё же сделал бросок метра три. Пуля попала в трухлявый пенёк, но осколок повредил мне ногу выше колена. Превозмогая боль, я снова сделал бросок и успел заскочить за поленницу дров, а потом в лесок.

Раненых и убитых было много. Меня на телеге санитары отправили в полевой госпиталь, но там осколок извлечь не сумели и отвезли меня в госпиталь на Набережную Мойки. Хирурги и там безуспешно колдовали над раной, но осколок тоже извлечь не смогли. В третьем госпитале операцию мне делала небольшого роста женщина, хрупкая и доброжелательная. Через четыре часа осколок она достала. Уже в палате я потерял сознание. Очнулся через сутки под песню «Огонёк». Когда открыл глаза, рядом стоял солдат и пел эту песню. Каково же было моё удивление, когда я узнал, что эту песню он пел для меня.

В госпитале я пробыл четыре месяца. Однажды нас навестили студентки. Ко мне подошла хорошо одетая красивая девушка. Она принесла мне почитать книжку, мы душевно поговорили. Она навещала меня каждый день. Когда я стал ходить, меня поощрили двумя билетами на оперетту «Фиалка Монмартра», и я пригласил эту девушку. Чтобы

выглядеть перед ней более достойно, в театр меня одевали всей палатой. После излечения мы с ней переписывались, я даже был приглашён к ней домой. После снятия блокады наша часть освобождала Прибалтику, и, к сожалению, о судьбе девушки я ничего не знаю.

На передовой, конечно, было не до отдыха: между боями надо было и помыться, и постирать, и обсохнуть. Помню, как однажды летом к нам приехала фронтовая бригада. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, в том концерте участвовала Шульженко. Запомнилась новая песня о Москве.

Я по свету немало хаживал.
Жил в землянке, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.
Но Москвою привык я гордиться
И везде повторял я слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Наркомовские сто грамм нам давали как лекарство: для организма они были полезны, поддерживали силы, особенно в зимний период. Лично я употреблял их только в тяжкие моменты, а всегда отдавал товарищу за пайку хлеба. А потом этот же кусочек хлеба я отдавал ему обратно. Табачный паёк я тоже отдавал за сахар.

На фронте иногда случались и невероятные истории. Однажды я получил письмо от отца. Оказалось, он воевал рядом, на Волховском фронте, даже номер полевой почты у нас был одинаковый. Я мечтал вместе воевать, но отец написал, что будем общаться через письма – так будет лучше. Он маму и нас, четверых малых детей, оставил, поэтому мы и в Лузу переехали из Архангельска. Потом война нас развела. Отец написал, что получил тяжёлое ранение, заново учится говорить и ходить.

После победного 9 мая война закончилась не для всех: по лесам скрывались власовцы, остатки немцев и их прихвостни. Пришлось вылавливать их в лесах, на хуторах, мы находили их даже в сундуках при всём вооружении. А в начале 1946 года меня направили в Москву на бронетанковый завод, где на капитальный ремонт ставились наши и американские машины, назначили мастером электроцеха, так как электротехнику я знал с довоенной поры. А по вечерам я показывал в клубе кино, так как был знаком с работой киномеханика. В коллективе я был на хорошем счету, поэтому беспрепятственно пользовался увольнительными в город, даже в кинопрокат на машине ездил.

Сегодня жалею, что не остался работать на заводе: уж больно сватало начальство. Мне же захотелось домой. Сейчас думаю, что я тогда погорячился: это решение всю мою судьбу изменило. Когда в Лузе вышел из вагона, так и ахнул: жил в Москве, а тут всё снегом замело, ни зги не видно. Картина была после столицы, скажу я вам! Мать жила в

деревянном двухэтажном доме в комнатухе с дощатой перегородкой, так что условия жизни не были лёгкими.

Моя послевоенная жизнь связана с кино: прошёл путь от киномеханика до директора киносети. Приятно, что о войне у нас снято много интересных фильмов, правдиво передающих её атмосферу. Работая в кинотеатре, я организовывал просмотры военных фильмов и обязательно давал к ним свои комментарии. Думаю, имел на это полное право, так как всю войну прошёл, видел всё своими глазами и не терплю, когда искажают действительность, не одобряю, что столько неправды в последнее время было сказано о Сталине.

Раньше я часто выступал перед школьниками, военнослужащими, офицерским составом. Сейчас из-за возраста не хожу на встречи. Даже свой выходной пиджак, тяжёлый от орденов и медалей, только в день Победы вынимаю из шкафа...»

Вот такой рассказ ветерана. На его парадном костюме уже в мирное время появился новый орден Октябрьской революции, который вручать приезжал сам губернатор, сказав, что им награждают лишь за очень большие заслуги.

Надо отметить, что Игорь Николаевич за свою долгую жизнь не поменял своих убеждений: в партию вступил в сорок третьем перед боем, и вере своей не изменял, как и супруге, Манефе Фёдоровне. С будущей женой они встретились на танцах в феврале сорок седьмого и поженились. С той поры вместе более шестидесяти лет. Оба в Лузе – люди уважаемые. Четырёх детей вырастили-выучили, внуков помогают поднимать.

В сорок первом война изменила судьбу и Манефы Фёдоровны, многому её научила. Девушка устроилась учеником жестянщика в механическую мастерскую: делала вёдра, тазы, прочий инвентарь. Война забрала её единственного брата-лётчика, который погиб на Орловской Дуге. Помнит, как они, девчонки, письма на фронт писали, поддерживая незнакомых солдат. За фронтовика и замуж вышла.

Где бы ни работала Манефа Фёдоровна, а стаж её более 40 лет, на любом месте её главными попутчиками оставались трудолюбие и ответственность – этого у закалённых войной тружеников тыла не отнимешь. А как поёт эта красивая, статная женщина – заслушаешься. Да и сплясать может. Удивляешься: какое сильное поколение! Столько им довелось пережить, а они такие крепкие и духом, и телом! Несмотря на трудности, умеют радоваться простым вещам, заботиться друг о друге, мечтать и верить...

Война оставила след в их судьбе, натянула жилы, тела и души, но этим только закалила характер. Когда наступили 90-е, война напомнила о себе новой напастью – Игорь Николаевич полностью ослеп. Но фронтовик старается держаться на высоте: сам передвигается по дому, даже за рассадой ухаживает – безделье и бесполезность жизни не выносит, как, наверное, все люди их поколения.

*Материал подготовила
Лидия Георгиевна Семёновых,
заведующая тифлоиздательским сектором
Кировской областной
специальной библиотеки для слепых.*